

ХЭЗЕР ҮЭББЕР

**В КОФЕЙНЕ
ДИКОВИНОК**

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У97

Heather Webber
AT THE COFFEE SHOP OF CURIOSITIES

Copyright © 2023 by Heather Webber

Перевод с английского *Виктории Кульницкой*

Иллюстрация на обложке *Таисии Шарбьевой*

Уэббер, Хэзер.

У97 В кофейне диковинок / Хэзер Уэббер ; [перевод с английского В. Кульницкой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-193219-0

Аву приглашают работать сиделкой у странного старика. Это идеальная возможность начать жить с чистого листа после смерти ее бывшего парня.

Мэгги — вечный двигатель и сгусток энергии, но только на первый взгляд. Потеря матери и беспокойство о стареющем отце изводят ее.

Аву и Мэгги роднят горечь потерь и сожаления. Обе должны научиться отпускать прошлое, чтобы двигаться дальше, потому что иногда перемены приводят нас туда, где нам самое место.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-193219-0

*Книга для всех, кому не терпится
расправить крылья и полететь*

Ава!

Ваше нос, моя нежная фиалочка! От
всего, о чем ты когда-либо мечтаешь,
тебя отделяет лишь одно собеседование.
Расправь крылышки и испытай удачу.
Просто будь собой — и все получится.
В Дрифтвуде тебя ждет счастье! XX

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИЦА ПО ХОЗЯЙСТВУ

Эксцентричному упрямому пожилому господину, избалованной чертовке в обличье кошечки и донельзя захлавленному дому (возможно, с привидениями) срочно требуется невозмутимая, терпеливая и энергичная домохозяйка. Опыт не обязателен, но навыки ведения домашнего хозяйства, организованность и способность не обращать внимания на призраков, беспорядок, пыль, кошачью шерсть, птиц на чердаке и летучих мышей на мансарде не помешают. Готовых рискнуть жду на собеседование в понедельник в девять утра в кофейне «Сорока», городок Дрифтвуд, штат Алабама. Спросить вконец измотанную Мэгги.

ГЛАВА 1

АВА

Письмо отправил мертвец.

В этом я нисколько не сомневалась.

Ну ладно, все же *немножко* сомневалась. Сильно сомневалась. Еще как!

Однако, ломая голову над загадкой все тринадцать часов, что пришлось провести за рулем, я так и не придумала, кто еще мог бы его прислать. Написать такое мог лишь Александр Брайант, со смерти которого вчера исполнился ровно месяц.

И именно вчера легкий августовский ветерок, ворвавшись в окно кухни, стряхнул с лежащей на стойке скромной стопочки свежей почты неприметный конверт. Я в тот момент как раз мыла посуду, и он, плавно соскользнув вниз, бесшумно опустился к моим ногам.

Самое странное, что я как будто впервые видела это письмо. Пишут мне не так уж часто, так что я должна была его заметить. Однако конверт без обратного адреса из хрусткой крафтовой бумаги был определенно мне незнаком. Как и почерк на нем: мои имя и адрес были так аккуратно выведены печатными буквами, что, если бы синие чернила прокрасили бумагу более равномерно, их можно было бы принять за отпечатанные на ма-

шинке. Марка с бабочкой, наклеенная в верхнем правом углу, даже не была задета размесившимся рядом почтовым штемпелем — слишком смазанным, чтобы разобрать, откуда письмо пришло.

Только теперь, стоя на светофоре в ожидании, когда можно будет свернуть влево, на дорогу, по обочинам которой высились трепетавшие на ветру пальмы, я сообразила, что хотя бы на марку я *уж точно* должна была обратить внимание. Обычно мне бросалось в глаза все, так или иначе связанное с миром животных. Однако пришлось признать, что с самой смерти Александра я жила как в тумане. Мысли мои метались в сетях чувства вины, путаясь в бесконечных «а вдруг» и «что, если».

— Ты уверена, что эта работа тебе подходит? — озабоченно произнес из колонок мамин голос.

— Вот и выясним, — ответила я, убавив громкость.

От волнения мама всегда так повышала тон, что у меня начинало звенеть в ушах.

— Ава, — вздохнула она, — я понимаю: прошлый месяц выбил тебя из колеи... Но это как-то слишком уж лихо! Ты всегда работала удаленно, за компьютером. А теперь вдруг решила стать *домоправительницей*?

О работе я рассказала ей вкратце, опустив подробности. Не упомянула о том, каким образом ко мне попало объявление. И что работать придется в Алабаме. И что ехала я туда всю ночь.

Маму не волнует, что мне уже двадцать семь: как заподозрит, что я недостаточно осторожна, так сразу в истерику.

Я бы и вовсе не сняла трубку, но тогда бы она точно ударилась в панику. Лучше уж немного развеять ее страхи сейчас; тогда, возможно, они не помешают мне в дальнейшем.

К тому же мне не хотелось, чтобы мама за меня тревожилась. Она и так только этим всю жизнь и занималась. Лишь в последние пару лет получила возможность выдохнуть, спать спокойно и жить нормальной жизнью без необходимости постоянно оставаться на чеку ради меня.

Не хотелось, чтобы она опять взялась за свое.

— По-моему, мне будет полезно сменить привычный сценарий, — наконец отозвалась я и с трудом сглотнула. — Выйти из зоны комфорта.

За окнами машины серело утро, над дорогой низко нависли тучи. Взглянув на часы на приборной панели — 8:38, — я заметила, что по углам заляпанного мошками лобового стекла блестят крупные капли дождя, оставшиеся после бури, налетевшей перед рассветом.

Не в силах отделаться от мыслей о письме, из-за которого отправилась в дорогу, я забарабанила пальцами по рулю.

В конверте лежал измятый листок, аккуратно сложенный втрое. Объявление о поиске домоправительницы сначала отпечатали на машинке, потом скомкали и снова разгладили. Вверху кто-то сделал приписку от руки.

Кто-то.

Алекс?

Я нашла в коротенькой записке сразу несколько доказательств того, что написал ее *он*. К примеру, «моя нежная фиалочка». Он вполне мог бы так меня назвать. В его исполнении даже старомодные слащавые комплименты звучали мило. А это «ХХ»? Он всегда заканчивал сообщения именно так. И почерк — мужской, с сильным наклоном — тоже вполне мог быть его. Правда, я не могла утверждать это на сто процентов, а сравнить было не с чем. Из об-

разцов почерка *Алекса* у меня осталась лишь запоздалая открытка ко дню рождения, которую он вручил мне в июне. Впрочем, от руки он написал в ней только «ХХ». Алекс был парнем милым, но не особенно сентиментальным и довольно забывчивым: всегда слишком пристально глядел в будущее, а потому не умел по-настоящему наслаждаться настоящим, подмечать детали, просто *жить*.

Собственно, отчасти из-за этого я и порвала с ним всего через три месяца отношений. И мы снова, как раньше, стали просто добрыми друзьями. Условились, что будем общаться и дальше. Но через несколько недель после расставания Алекс нарушил обещание. А потом его не стало...

— Ладно, Ава, — сказала мама. — Давай пока оставим эту тему. Во сколько у тебя собеседование?

Допустим, письмо *в самом деле* прислал Алекс. Но зачем? И как?

Я с досадой выдохнула, и мой вздох пронесся во влажном воздухе с тихим присвистом, словно пробуя крылышки в незнакомом месте. Положим, насчет «Зачем?» у меня имелись кое-какие соображения, но вот ответа на «*Как?*» не было. Возможно, Алекс отправил письмо, когда еще был жив. Оно где-то затерялось, а потом его нашли и доставили мне. Такое постоянно случается. Постоянно.

Но...

Зачем бы он стал писать по почте? Он же круглые сутки не расставался с телефоном! Мог бы просто сфотографировать объявление и отправить его мне. Именно так, скорее всего, Александр бы и поступил. Он ведь считал, что ждать писем по несколько недель — прошлый век. К тому же почему он не написал на конверте обратный адрес? И подписи не оставил... Да и новую работу я начала искать только

недавно: меня уволили всего две недели назад — как раз из-за того, что после смерти Алекса я стала очень рассеянной.

— Ава? Ты здесь? — окликнула мама.

— Здесь. Просто задумалась.

— Я спросила, во сколько у тебя собеседование.

И как объяснить, что письмо пришло точно вовремя? Упало к моим ногам ровно *за день до собеседования*, когда у меня еще оставалось достаточно времени, чтобы добраться до Алабамы... Да не просто упало, а как-то странно опустилось. Как будто...

Поневоле подумает, что его извлекли из стопки и положили к моим ногам невидимые руки. По плечам побежали мурашки, и я поспешно растерла их. Призраков не существует! *Не существует.*

Правда же?

Покачав головой, я наконец решила, что отныне буду считать появление письма *необъяснимой загадкой*. Загадочное письмо, вот и все.

— Ава!

Я вздрогнула от маминого окрика. В ушах зазвенело, и я поспешно выпалила:

— В девять.

— Ты напишешь мне, как все прошло?

— Конечно.

— Ладно. Раз ты такая рассеянная, не буду отвлекать от дороги. Люблю тебя! Не забудь написать.

— Не забуду. Тоже тебя люблю! — Я нажала отбой и с облегчением выдохнула.

Затем открыла окна, впустила в салон ветер и тут же ощутила запах моря — резкий, соленый. Я узнала его мгновенно, хотя до сих пор была на побережье лишь однажды, в три года, когда мы всей семьей ездили во Флориду. За ту короткую поездку я успела влюбиться в море.

Ветер завывал, заглушая мерное тиканье поворотника. Еще за несколько миль я заметила, что над береговой линией стелется густой туман. Залива из-за этого было не разглядеть, но, сосредоточившись, отключившись от свиста ветра, пения птиц и рева машин, можно было расслышать, как напевно и в то же время нестройно шумят волны, наползая на берег. Словно говорят: «Берегитесь прибоя и не забывайте, что даже в хаосе живет красота!»

Как бы мне хотелось сейчас побродить по мелководу, потанцевать в пенящихся волнах! А может — и броситься в соленую воду, чтобы омыла меня, заглушая все звуки и смывая тревоги. Сколько лет я умоляла снова отвезти меня к морю, а в ответ получала лишь бесконечные отказы? Потому что то путешествие закончилось поездкой в больницу, и моя мать поклялась, что мы больше никогда не уедем так далеко от Цинциннати.

Нужно было отправиться к морю, когда я стала жить одна, но я не решилась — видимо, заразилась материнскими страхами.

Я посмотрела на часы: 8:40.

Красный огонек светофора наконец сменился зеленым, и я закрыла окна, отгораживаясь от звуков улицы. Стоило мне свернуть к Дрифтвуду, как все в животе сжалось от беспокойства. Мама была права: это как-то чересчур лихо. Прочесть письмо — и тут же забыть о благоразумии, наскоро собрать вещи, прыгнуть в машину и погнать в Алабаму только для того, чтобы *попасть* на собеседование, о котором я узнала из непонятно кем присланного объявления...

Если я что-то о себе и знала, так это то, что Ава Лейн Харрисон никогда не забывает о благоразумии. Не принимает спонтанных решений. Не бросается в погоню за призраком — а именно так мой внезапный вояж

на юг и выглядел. Я никогда не выходила из зоны комфорта, не нарушала привычного распорядка жизни. Жила себе тихо и мирно.

Очень-очень мирно.

И вдруг отправилась в уютный приморский городок, в кофейню «Сорока», проходить собеседование на совершенно жуткую, судя по описанию, должность, которую и занять-то не горела желанием...

Ни одной веской причины находиться здесь у меня не было. Но отчего-то я знала, что *должна* сюда приехать. Ощущение это так крепко засело внутри, что от него не получалось отмахнуться даже в те моменты, когда я уже готова была развернуться и мчаться обратно на север.

Добравшись до живописной, усаженной деревьями центральной городской площади, я свернула направо. Почти все улицы тут были с односторонним движением, и ехать приходилось осторожно. Я бы с радостью ползла медленно-медленно, изучая каждую деталь, рассматривая каждую витрину. Но впереди уже маячил бирюзовый домик, в котором располагалась кофейня, и я, не отрывая от него взгляда, гнала вперед. На часах мигало 8:44.

В поисках парковки я свернула налево, еще раз налево и наконец заметила свободное место между двумя гольф-карами неподалеку от кафе. Заглушив мотор, я вытащила ключи зажигания и выскочила из машины.

Поначалу на всех парáх поспешила к тротуару, но возле кафе «Сорока» стала постепенно замедлять шаг и вскоре остановилась совсем. Заходить было вроде как еще рано.

Вокруг меня громогласным аккордом взвились незнакомые звуки — низко зашелестели листьями пальмы, пронзительно заголосили чайки. Такие разные, эти

звуки все же складывались в подобие гармонии, и я обрадовалась ей.

Все это было так необычно! Впрочем, что вообще в моей жизни можно было считать нормальным? Собственно, в надежде это изменить я и приехала в Дрифтвуд! Ведь именно на это намекало письмо, разве нет?

«От всего, о чем ты когда-либо мечтала, тебя отделяет лишь одно собеседование».

Сколько себя помню, я всегда хотела быть нормальной. Меня столько лет прятали от окружающего мира, чтобы оградить и защитить, что теперь я не знала, как в него вписаться. И страстно мечтала поселиться в месте, где со мной будут обходиться как с любым другим человеком. В месте, где буду просто Авой, а не бедняжкой, про которую заранее известно.

Приехать в Дрифтвуд означало буквально выпрыгнуть из зоны комфорта, и все же моя нервозность здесь почему-то улеглась, а в душе затеплилась надежда, что это путешествие не станет огромной ошибкой.

На первый взгляд этот приморский городок казался абсолютно нормальным. Центральную площадь с трех сторон окружали выкрашенные в пастельные тона здания, на нижних этажах которых располагались разнообразные заведения. С четвертой же стороны, как бы заземляя весь городок, высилась простая жемчужно-белая церковь с колокольней и крестом.

Посреди площади зеленела овальная лужайка. На одном ее краю болтали, устроившись на расстеленном одеяле, две женщины, приглядывавшие за играющими с красным мячом ребятами, с другой стороны синхронно двигались под музыку с десяток людей пенсионного возраста. Они то делали шаг вперед, то отступали. Я засмотрелась на них и вдруг услышала шаги

и позвякивание собачьего жетона, а оглянувшись, обнаружила, что к кофейне направляется мужчина с собакой.

Высокий и крупный, он гармонично смотрелся бы с лабрадором, золотистым ретривером или немецкой овчаркой, но уж никак не с маленькой светло-коричневой длинношерстной таксой. Меня от души позабыл этот контраст.

Мужчина одарил меня рассеянной улыбкой, привязал поводок к крючку под витриной кофейни и поздоровался:

— Доброе утро!

Голос у него оказался приятный, мягкий, с легкой хрипотцой.

Потрепав пса по длинным пушистым ушам, он добавил:

— Я сейчас вернусь, Норман. *Жди.*

Пес сел.

Норман? Мне почему-то подумалось, что это девочка и зовут ее Златовласка или Годива. Надо же, такой... *очаровательный!* Я мысленно извинилась перед песиком за поспешные выводы.

Мужчина прошел мимо и распахнул дверь кофейни. Звякнул колокольчик на карнизе, пахнуло свежемолотым кофе, до меня донеслись гул голосов, звон посуды и жужжание кофемолки.

Мужчина, придержав дверь плечом, снова обернулся ко мне. Внешние уголки его глаз были чуть опущены книзу, а сами глаза оказались темно-карими с золотистыми искорками. Однако, к моему удивлению, на их дне плескалась затаенная боль.

— Заходите? — спросил мужчина, вопросительно изогнув широкую бровь.

Я покосилась на часы: 8:49. Слишком рано. Да и я еще не готова.